

Vladimir Maiakovski

tradução de Wellington Müller Bujokas

gueto editorial

Vladimir Maiakovski

Tradução de Wellington Müller Bujokas

selo gueto editorial

poesia anárquica, micronarrativas, fragmentos e afins
colcha de retalhos manuscritos descarregada na rede

© **Vladimir Maiakovski, 2017**

Tradução de Wellington Müller Bujokas

Traduções | Livro 2

Selo Gueto Editorial ® 2017

Organização, edição e projeto gráfico

Jerome Knoxville

Organização, edição e revisão

Amanda Sorrentino

Contatos

<https://revistagueto.com>

<https://twitter.com/revistagueto>

<https://www.facebook.com/revistagueto>

| editorgueto@gmail.com |

Licença

Creative Commons

Este material não pode ser usado para fins comerciais.

poesia
0

agradecimento

Tenho muito a agradecer a ajuda de amigos de Moscou e Astana, especialmente de Evguenia Tsokhorova, Natalia Novikova e Yuliya Chernova, sem quem essas traduções seriam bem menos adequadas e interessantes.

Послушайте!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Escuta!

Escuta!

De fato, se estrelas acendem —
quer dizer — alguém delas precisa?
Quer dizer — alguém quer que elas existam?
Quer dizer — alguém chama essas cuspidelas de pérolas?

E, se acabando
nas nevascas de pó do meio-dia,
se atira a deus,
tem medo se é tarde,
chora,
beija a sua mão carnuda
pede —
que sem falta existam estrelas! —
jura —
não aguenta essa desestrelada tortura!
E depois
segue angustiado,
mas tranquilo na face.
Diz a alguém:
“Agora está tudo bem, viu?
Não dá medo?
Né?!”
Escuta!
De fato, se estrelas
acendem —
quer dizer — alguém delas precisa?
Quer dizer — é imprescindível
que cada noite
sobre os telhados
esteja acesa nem que só uma estrela?!

Ну, что ж!

Раскрыл я
с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
порохом
от всех границ.
Не вновь,
которым за двадцать,
в грозе расти.
Нам не с чего
радоваться,
но нечего
грустить.
Бурна вода истории.
Угрозы
и войну
мы взрежем
на просторе,
как режет
киль волну.

Pois, então!

Abri, eu,
com ruído módico,
os olhos da folha...
E propalou-se
pólvora
das fronteiras todas.
Nada novo,
aos com mais de vinte,
no temporal crescer.
Nada temos a
nos alegrar,
mas nada
a entristecer.
Violentas, as águas da história.
Ameaças
e batalhas
nós rasgamos avante
na imensidão,
como a vaga
rasga a quilha.

1927

Я счастлив!

Граждане,
у меня
огромная радость.
Разулыбьте
сочувственные лица.
Мне
обязательно
поделиться надо,
стихами
хотя бы
поделиться.
Я
сегодня
дышу как слон,
походка
моя
легка,
и ночь
пронеслась,
как чудесный сон,
без единого
кашля и плевка.
Неизмеримо
выросли
удовольствий дозы.
Дни осени —
баней воняют,
а мне
цветут,
извините, —
розы,
и я их,
представьте,
обоняю.

И мысли
и рифмы
покрасивели
и особенные,
аж вытаращит
глаза
редактор.
Стал вынослив
и работоспособен,
как лошадь
или даже —
трактор.
Бюджет
и желудок
абсолютно превосходен,
укреплен
и приведен в равновесие.
Стопроцентная
экономия
на основном расходе —
и поздоровел
и прибавил в весе я.
Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие торта —
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных
апартаментах
рта.
Голова
снаружи
всегда чиста,

а теперь
                  чиста и изнутри.
В день
                  придумывает
                                  не меньше листа,
хоть Толстому
                  ноздрю утри.
Женщины
                  окужили,
                                  платья испестря,
все
                  спрашивают
                                  имя и отчество,
я стал
                  определенный
                                  весельчак и остряк —
ну просто —
                  душа общества.
Я
                  порозовел
                                  и пополнел в лице,
забыл
                  и гришсы
                                  и кровать.
Граждане,
                  вас
                                  интересует рецепт?
Открыть?
                  или...
                                  не открывать?
Граждане,
                  вы
                                  утомились от жданья,
готовы
                  корить и крыть.

Не волнуйтесь,
сообщаю: граждане —
я
сегодня —
бросил курить.

Estou feliz!

Cidadãos,

é minha

enorme alegria.

Abram riso

na empatia de me encarar.

Eu

sem falta

partilhar preciso,

nos versos

pelo menos

partilhar.

Eu

hoje

resfolego feito elefante,

meu andar

vai

pelo ar,

e a noite

passa num

incrível sono infante,

sem qualquer

tossir ou escarrar.

Inúmeros

os gozos

crescem em doses.

Dias de outono —

fedem bania¹,

já em mim

brotam,

desculpem, —

rosas,

e eu as,

imaginem,

amanho.

E planos
    e ritmos
        embelezaram-se
                    e tanto,
arregala até
    os olhos
        o redator.

Fiquei fornido
    e bom trabalhador,
feito cavalo
    e mesmo —
        trator.

O bolso
    e o estômago
        fantástico absoluto,
robusto
    e posto em equilíbrio.
De cem por cento
    a economia
        nas despesas básicas —
recobrei e as forças
    e em peso ganhei eu.

Como se
    na língua
        teco a teco
deitassem
    tortas bem fofas —
este
    conformou-se
        gosto feérico
em cheirosos
    apartamentos
        da boca.

A cabeça
por fora
sempre fresca,
e agora
fresca adentra.
No dia,
engendra
uma página, não menos,
Tolstói, pois,
que limpe as ventas.
As mulheres
acercaram,
vestidos florelindo,
todas
perguntam
nome e patronímico,
acabei
inconteste
chistoso e gracioso —
simplesmente —
um emblema cívico.
Eu
estou mais corado
e o rosto, parrudo,
esqueci
e a gripe
e a cama.
Cidadãos,
lhes
interessa a receita?
Revelo?
ou...
não desvelo?
Cidadãos,
vocês
cansaram da esperaçãõ,

prontos a
    difamar e destratar.
Não se avexem,
    anuncio:
        cidadãos —
            eu
hoje —
    deixei de fumar.

1929

¹Sauna russa. Era, tradicionalmente, de madeira e exalava um cheiro forte no contato com a umidade.

Флейта-позвоночник

За всех вас,
которые нравились или нравятся,
хранимых иконами у души в пещере,
как чашу вина в застольной здравице,
подъемлю стихами наполненный череп.

Все чаще думаю —
не поставить ли лучше
точку пули в своем конце.
Сегодня я
на всякий случай
даю прощальный концерт.

Память!
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди.
Из тела в тело веселье лейте.
Пусть не забудется ночь никем.
Я сегодня буду играть на флейте.
На собственном позвоночнике.

1

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда уйду я, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

Буре веселья улицы узки.
Праздник нарядных черпал и черпал.
Думаю.
Мысли, крови сгустки,
больные и запекшиеся, лезут из черепа.

Мне,
чудотворцу всего, что празднично,
самому на праздник выйти не с кем.
Возьму сейчас и грохнусь навзничь
и голову выmozжу каменным Невским!
Вот я богохулил.
Орал, что бога нет,
а бог такую из пекловых глубин,
что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
вывел и велел:
люби!

Бог доволен.
Под небом в круче
измученный человек одичал и вымер.
Бог потирает ладони ручек.
Думает бог:
погоди, Владимир!
Это ему, ему же,
чтоб не догадался, кто ты,
выдумалось дать тебе настоящего мужа
и на рояль положить человечьи ноты.
Если вдруг подкрасться к двери спальной,
перекрестить над вами стёганье одеялово,
знаю —
запахнет шерстью паленной,
и серой издымится мясо дьявола.
А я вместо этого до утра раннего
в ужасе, что тебя любить увели,
метался

и крики в строчки выгранивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.
В карты бы играть!
В вино
выполоскать горло сердцу изоханному.

Не надо тебя!
Не хочу!
Все равно
я знаю,
я скоро сдохну.

Если правда, что есть ты,
боже,
боже мой,
если звезд ковер тобою выткан,
если этой боли,
ежедневно множимой,
тобой ниспослана, господи, пытка,
судейскую цепь надень.
Жди моего визита.
Я аккуратный,
не замедлю ни на день.
Слушай,
всевышний инквизитор!

Рот зажму.
Крик ни один им
не выпущу из искусанных губ я.
Привяжи меня к кометам, как к хвостам
лошадиным,
и вымчи,
рвя о звездные зубья.
Или вот что:
когда душа моя выселится,
выйдет на суд твой,

выхмурясь тупенько,
ты,
Млечный Путь перекинув виселицей,
возьми и вздерни меня, преступника.
Делай что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!

Версты улиц взмахами шагов мну.
Куда я денусь, этот ад тая!
Какому небесному Гофману
выдумалась ты, проклятая?!

2

И небо,
в дымах забывшее, что голубо,
и тучи, ободранные беженцы точно,
вызарю в мою последнюю любовь,
яркую, как румянец у чахоточного.

Радостью покрою рев
скопа
забывших о доме и уюте.
Люди,
слушайте!
Вылезьте из окопов.
После довоюете.

Даже если,
от крови качающийся, как Бахус,
пьяный бой идет —
слова любви и тогда не ветхи.
Милые немцы!
Я знаю,
на губах у вас
гётевская Гретхен.
Француз,
улыбаясь, на штыке мрет,
с улыбкой разбивается подстреленный авиатор,
если вспомнят
в поцелуе рот
твой, Травиата.

Но мне не до розовой мякоти,
которую столетия выжуют.
Сегодня к новым ногам лягте!
Тебя пою,
накрашенную,
рыжую.

Может быть, от дней этих,
жутких, как штыков остря,
когда столетия выбелят бороду,
останемся только
ты
и я,
бросающийся за тобой от города к городу.

Будешь за море отдана,
спрячешься у ночи в норе —
я в тебя вцелую сквозь туманы Лондона
огненные губы фонарей.

В зное пустыни вытянешь караваны,
где львы начеку, —
тебе
под пылью, ветром рваной,
положу Сахарой горящую щеку.

Улыбку в губы вложишь,
смотришь —
тореадор хорош как!
И вдруг я
ревность метну в ложи
мрущим глазом быка.

Вынесешь на мост шаг рассеянный —
думать,
хорошо внизу бы.
Это я
под мостом разлился Сеной,
зову,
скалю гнилые зубы.

С другим зажгешь в огне рысаков
Стрелку или Сокольники.
Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, ждущий и голенький.

Сильный,
понадоблюсь им я —
ведят:
себя на войне убей!
Последним будет
твое имя,
запекшееся на выдранной ядром губе.

Короной кончу?
Святой Еленой?
Буре жизни оседлав валы,
я — равный кандидат
и на царя вселенной,
и на
кандалы.

Быть царем назначено мне —
твое личико
на солнечном золоте моих монет
велю народу:
вычекань!
А там,
где тундрой мир вылинял,
где с северным ветром ведет река торги, —
на цепь нацарапаю имя Лилино
и цепь исцелю во мраке каторги.

Слушайте ж, забывшие, что небо голубо,
выщетинившиеся,
звери точно!
Это, может быть,
последняя в мире любовь
вызарила румянцем чахоточного.

3

Забуду год, день, число.
Запрусь одинокий с листом бумаги я.
Творись, просветленных страданием слов
нечеловечья магия!

Сегодня, только вошел к вам,
почувствовал —
в доме неладно.
Ты что-то таила в шелковом платье,
и ширился в воздухе запах ладана.
Рада?
Холодное
“очень”.
Смятением разбита разума ограда.
Я отчаянье громозжу, горящ и лихорадочен.

Послушай,
все равно
не спрячешь трупа.
Страшное слово на голову лавь!
Все равно
твой каждый мускул
как в рупор
трубит:
умерла, умерла, умерла!
Нет,
ответь.
Не лги!
(Как я такой уйду назад?)
Ямами двух могил
вырылись в лице твоём глаза.

Могилы глубятся.
Нету дна там.
Кажется,
рухну с помоста дней.
Я душу над пропастью натянул канатом,
жонглируя словами, закачался над ней.

Знаю,
любовь его износила уже.
Скуку угадываю по стольким признакам.
Вымолади себя в моей душе.
Празднику тела сердце вызнакомь.

Знаю,
каждый за женщину платит.
Ничего,
если пока
тебя вместо шика парижских платьев
одену в дым табака.
Любовь мою,
как апостол во время оно,
по тысяче тысяч разнесу дорог.
Тебе в веках уготована корона,
а в короне слова мои —
радугой судорог.

Как слоны стопудовыми играми
завершали победу Пиррову,
Я поступью гения мозг твой выгромил.
Напрасно.
Тебя не вырву.

Радуйся,
радуйся,
ты доконала!
Теперь
такая тоска,
что только б добежать до канала
и голову сунуть воде в оскал.

Губы дала.
Как ты груба ими.
Прикоснулся и остыл.
Будто целую покаянными губами
в холодных скалах высеченный монастырь.

Захлопали
двери.
Вошел он,
весельем улиц орошен.
Я
как надвое раскололся в вопле,
Крикнул ему:
“Хорошо!
Уйду!
Хорошо!
Твоя останется.
Тряпок нашей ей,
робкие крылья в шелках зажирели б.
Смотри, не уплыла б.
Камнем на шее
навесь жене жемчуга ожерелий!”

Ох, эта
ночь!
Отчаянье стягивал туже и туже сам.
От плача моего и хохота
морда комнаты выкосилась ужасом.

И видением вставал унесенный от тебя лик,
глазами вызарила ты на ковре его,
будто вымечтал какой-то новый Бялик
ослепительную царицу Сиона евреева.

В муке
перед той, которую отдал,
коленопреклоненный выник.
Король Альберт,
все города
отдавший,
рядом со мной задаренный именинник.

Вызолачивайтесь в солнце, цветы и травы!
Весеньтесь жизни всех стихий!
Я хочу одной отравы —
пить и пить стихи.

Сердце обокравшая,
всего его лишив,
вымучившая душу в бреду мою,
прими мой дар, дорогая,
больше я, может быть, ничего не придумаю.

В праздник красьте сегодняшнее число.
Творишь,
распятью равная магия.
Видите —
гвоздями слов
прибит к бумаге я.

Flauta-vértebra

A todos vocês
que agradavam ou agradam,
guardados por ícones na alma em caverna,
qual taça de vinho à mesa brindada,
soergo de versos recheada caveira.

Cada vez mais penso —
botar melhor não seria
um ponto de bala no meu desfecho.
Agora eu
qualquer caso seja
dou meu adeus-concerto.

Memória!
Convoca no salão do cérebro
inesgotáveis fileiras de meus queridos.
O riso de olho a olho verta.
A noite vista de casamentos idos.
De corpo a corpo festa vertam alta.
Que não deslembre a noite alma alguma.
Eu agora irei cantar na flauta.
Na própria espinha vertebral.

1

Léguas de ruas em embalos de passos amasso.
Pra onde parto eu, este inferno em baú!
Pra que divino Hoffman²,
maldita, foste imaginada tu?!

Pra alegria-turbilhão: as ruas um talho.
A festa foliões chupa e chupa.
Penso.
Ideias, de sangue coalhos,
doentes e ressequidos, montam da cuca.

A mim,
Ao mago-criador de tudo que festa,
Ao próprio, ir pra festa não tem com quem.
E lá vou eu e capoto de costa
e a cabeça racho no chão pedrento da Nevsky³!
Pronto, deus praguejei.
Berrei que deus não tem,
e deus essa tal do fogo do abismo,
que diante dela a montanha balança e geme,
guiou e quis:
ama aí!

Deus contente.
Sob o céu no topo
um homem arrasado virou bicho e sumiu.
Deus esfrega as palmas de gosto.
Pensa deus:
te prepara, Vladímir!
Ele, ele claro,
pra eu não te adivinhar quem,
inventou de te dar um marido de fato
e no piano colocar umas notas-gente.
Se do nada vierem bater à porta do quarto,
persignarem sobre vocês o retalho da colcha bordada,
eu sei —
sobe cheiro de pelame queimado,
e fumaceia em enxofre a carne diaba.

E eu, em vez disso, até a manhã alva
em pânico que te furtaram pra paixão,
me batia
e gritos em estrofes elapidava,
já pela metade um joalheiro lambão.
Bora cartas jogar!
Em vinho
a goela enxaguar ao coração de ais doído.

Nem importa você!
Quero não!
Qualquer modo
eu sei,
já me chama o chão.

Se verdade que existe tu,
deus,
deus meu,
se foi de estrelas por ti trançado o manto,
se é desta dor,
multiplicada diariamente,
por ti enviado, senhor, o tormento,
do juízo veste o grilhão.
Vela pela minha visita.
Eu sou assíduo,
tardo nem um dia não.
Escuta,
altíssimo inquisidor!

A boca já tampo.
Nem um ai lhes
vou soltar dos lábios remordidos eu.
Atarracha-me aos cometas, como aos rabos cavalescos,
e treschispa,
esmoendo no estreláceo denteu.

Ou então isto:
quando a alma de mim for-se,
sair pro juízo teu,
casmurrando demente,
tu,
tendo a Via Láctea perfeito em forca,
pega e pendura-me, o delinquente.
Faze o que queres.
Queres, esquarteja.
Eu mesmo a ti, ó justo, as mãos lavo.
Somente —
escuta! —
dá fim na maldita tal,
da qual fizeste meu doce favo.

Léguas de ruas em embalos de passos amasso.
Onde me enfio, este inferno em baú!
Pra que divino Hoffman,
maldita, foste imaginada tu?!

2

E o céu,
nas fumaças esquecido que azul,
e nuvens, de refugiados rotos a cara,
alvorarei na minha paixão última,
radiante, como do tísico o rubor em brasa.

De alegria cobrirei o rugir
da tropa
de esquecidos da casa e conchego.
Gente,
escuta!
Trepem das trincheiras fora.
Depois lutem até-que-chega.

Ainda se,
por sangue cambaleando como Baco,
luta bêbeda segue —
palavras de amor e então não envelhecem.
Queridos teutos!
Eu sei,
nos lábios seus
a goethiana Gretchen.
Um francês
sorrindo na baioneta morre,
com sorriso se arrebenta alvejado aviador,
se se lembram
no beijo a boca
tua, Traviata.

Mas me chega dessa carne rosa
que séculos vão roer.
Hoje caiam em pernas novas!
Te canto,
emperiquitada,
ruiva.

Pode ser, desses dias tais,
pavorosos, como o aguilhão das baionetas,
quando séculos branquearem a barba,
sobraremos só
tu
e eu,
abandonando-me atrás de ti de urbe a urbe.

Sejas prometida além-mares,
escondas-te na noite em covil —
eu te meto num beijo pelas névoas de Londres
os fogosos lábios do luzidio.

No deserto em brasa estenderás caravanas
onde leões fruem a deixa —
em ti,
sob a poeira, do vento alacrano,
vou meter como Saara cálida bochecha.

Sorriso tu nos lábios moves,
assistes —
toureador bom e como!
E de chofre eu
cíumes lanço no camarote
pelo olho esvaído do touro.

Levas à ponte um passo sossegado —
a pensar,
bom estar lá embaixo.
Era eu,
sob a ponte corri feito o Sena,
chamo,
arreganho os dentes cariados.

Com outros inflammas no fogo dos corcéis
Sokolniki⁴ ou Strelka⁵.
Sou eu que, trepado lá no céu,
da lua afroxo, pelado e à espera.

Robusto,
carecer de mim eles vão —
intimam:
vá na guerra pra morte!
Último será
o teu nome,
coagulado no lábio arrancado por canhão.

Monarca findo?
Santa Helena?
Montado em ondas pra vida-turbilhão,
eu — igual candidato
e a senhor do universo,
e ao
grilhão.

Ser rei foi feito para mim —
teu rostinho
no ensolarado ouro das moedas minhas
ordeno ao povo:
cunhem!
Mas lá,
onde em tundra desbotou a orbe,
onde com vento ártico o rio os negócios leva, —
no grilho risco de Lília o nome
e o grilho cubro de beijos no desbreu da cela.

Ora escutem, esquecidos que o céu é azul,
arrepiaçados,
feras exatas!
Esta talvez seja
no mundo a paixão última
alvorada por, do tísico, o rubor em brasa.

3

Esquecerei o ano, dia, data.
Só com folha de papel me tranco eu.
Faça-se de iluminadas por tormento palavras
inumano encanto meu!

Hoje, foi só passar a porta de vocês,
tive a sensação —
anda mal a casa.
Alguma coisa escondias no vestido de seda,
e um cheiro de incenso o ar tomava.
Contente?
Um frio
“muito”.
Em terror moída do bom senso a parede.
Eu o desalento amontoo, ardente e febre.

Escuta,
tanto faz,
não ocultarás o morto.
Palavra medonha na cabeça enlava!
Tanto faz,
cada músculo teu
como em megafone
retumba:
morri, morri, morri!
Não,
responda.
Não minta!
(Como eu assim de ré me vou?)
Covas de dois túmulos,
a face tua os olhos revolveram.

Os túmulos cedem.
Não há fundo.
Parece,
do palco dos dias desmorono.
A alma sobre o abismo tal corda repuxo,
com palavras em malabares, sobre ele rebôlo.

Tédio adivinho por mil sinais latentes.
Enjovesça-se na minha alma.
À festa do corpo o coração apresente.

Bem sei,
cada em mulher investe.
Dá nada,
se bem ainda
te, em vez do chique das parisienses vestes,
visto no fumo do cachimbo.
O amor meu,
qual apóstolo de outrora,
por milhares de milhares de estradas espalho.
Pra ti nos séculos uma coroa disposta,
e na coroa as palavras minhas —
de arco-íris espasmos.

Como elefantes em toneláceas manobras
remataram vitória pra Pirro,
eu no andar de gênio teu cérebro esmago.
Em vão.
Não te capino.

Ânimo,
ânimo,
tua a pá de cal!
Agora
tal a tristeza
que resta só correr até o canal
e a cabeça em ranger n'água meter.

Deste os lábios.
Neles quão ríspida tu.
Acaricie e gelei.
Como beijasse de lábios contritos
nas frígidas rochas um esculpido mosteiro.

Bateram
as portas.
Ele chegando
da alegria das ruas regado.
Eu
como em dois me rachava de berro,
gritei-lhe:
“Tá bom!
Me vou!
Tá bom!
Tua continua.
Panos vá-lhe coser,
pudicas asas em sedas criem gordura.
Olha, que não fuja a nado.
Tal pedra, no pescoço
da dona pérolas de colares pendure!”

Oh, tal
noite!
Premi fundo e fundo a angústia eu mesmo.
Do choro meu e risota
o focinho do quarto retortou-se de medo.

E se erguia teu rosto apartado de ti qual aparição,
com os olhos tu no tapete o alvoraste
como se um novo Bialik⁶ ensonhasse
ofuscante soberana do hebreu Sião.

Em aflição
de frente pra aquela que eu cedi,
em joelhos tombei chumbado.
Rei Alberto⁷,
todas as cidades
tendo cedido,
é sortudo aniversariante comigo ao lado.

Endourem-se ao sol, flores e relva!
Vidas de toda matéria primaverem!
Dum veneno eu quero —
beber e beber versos.

No coração feita a limpa,
de tudo seu privado
ao ter a alma macerado no desatino meu,
toma minha dádiva, querida,
mais, pode ser, vai que nada imagino eu.

De feriado pintem hoje a data.
Faça-se
igual crucifixo o encanto meu.
Vejam —
com pregos-palavras
martela no papel eu.

1915

² Ernst Theodor Amadeus Hoffmann (Königsberg, 1776 — Berlim, 1822), escritor alemão e autor do conto *O homem de areia*, que Maiakovski usou como referência para construir a Flauta-Vértebra.

³ Prospect Nevsky, rua principal de São Petersburgo.

⁴ Área de passeio em Moscou.

⁵ Área de passeio em São Petersburgo.

⁶ Hayim Nahman Bialik (1873-1934), poeta judeu.

⁷ Alberto I da Bélgica (1875-1934) foi o Rei dos Belgas de 1909 até sua morte. Liderou as tropas belgas na 1ª Guerra Mundial. Em 1914, por causa da ofensiva alemã, o rei perdeu o controle de grande parte do território belga.

Vladimir Vladimirovitch Maiakovski (em russo: Владимир Владимирович Маяковский; *Baghdati, Império Russo, 19 de julho de 1893 — Moscou, Rússia, 14 de abril de 1930*), também chamado de “o poeta da Revolução”, foi um poeta, dramaturgo e teórico russo, frequentemente citado como um dos maiores poetas do século XX, ao lado de Ezra Pound e T.S. Eliot, bem como “o maior poeta do futurismo”.

Wellington Müller Bujokas cresceu em Barão de Antonina, interior de São Paulo. Em 2012, publicou *Estudos (Travessa dos Editores)*, seu primeiro livro de poemas. É tradutor, jornalista e diplomata. Serviu em Astana (Cazaquistão) e Moscou (Rússia). Mora atualmente em Brasília.

selo gueto editorial

este projeto digital é destinado a correr livre na rede
levando versos, antiversos, protoversos, metaversos e multiversos para o reviramento do mundo